

Андреева Дарья Александровна

ОБРАЗ РЕКИ В РОМАНЕ Ч. ДИККЕНСА "КРОШКА ДОРРИТ"

Предметом рассмотрения в статье является образ реки в творчестве английского писателя Ч. Диккенса (на примере романа "Крошка Доррит"). Основное внимание уделяется выявлению структуры образа, вобравшего в себя основные черты художественного пространства города, создаваемого в тексте, а также мотивным комплексам, моделирующим семантику Темзы в романе. Углубленное понимание специфики образа позволяет яснее увидеть основные художественные интенции и творческие стратегии автора романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 15-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Аверьянова Е. В.** Дискурсивная схема жития XV-XVII веков // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 1. С. 46-52.
2. **Аверьянова Е. В.** Предписание и запрет как манипулятивные категории // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 60-63.
3. **Анисимова Е. Е.** О житийном дискурсе (на материале житийной литературы о Николае Чудотворце) // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 4 (647). С. 9-24.
4. **Бабаянц В. В.** Ценности как объект лингвокультурологической рефлексии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. 1. С. 32-35.
5. **Житие преподобного Александра Свирского** [Электронный ресурс]. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list> (дата обращения: 10.01.2014).
6. **Житие преподобного Кирилла Новозерского** [Электронный ресурс]. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list> (дата обращения: 10.01.2014).
7. **Житие преподобного Павла Обнорского (чудеса)** [Электронный ресурс]. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=list> (дата обращения: 10.01.2014).
8. **Макарий. Великие Минии Четии** [Электронный ресурс] // Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси (1482-1563). Серия «Святоотеческое наследие». СПб.: Аксион эстин, 2009. Вып. 1. (CD-ROM).
9. **Моррис Ч.** Основания теории знаков // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2001. С. 45-97.
10. **Fontanille J.** *Sémiotique du discours*. Limoges: Presses Universitaires de Limoges, 1998. 291 p.
11. **Greimas A.-J., Courtés J.** *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. P.: Hachette Supérieur, 1993. 454 p.

SEMIOTICS OF ORTHODOX HAGIOGRAPHICAL DISCOURSE

Aver'yanova Ekaterina Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tyumen State University
ekaterina.tioumen@gmail.com

Semiotic-linguistic approach to the hagiographical discourse allows comprehending this phenomenon in a new way. The topicality of the article is in the following: firstly, the object of the study is little-investigated hagiographical discourse, secondly, the semiotic method to it is used for the first time. The semiotics of orthodox hagiographical discourse, which consists of syntactics, semantics and pragmatics, is described. The research is made by the material of the Old Russian hagiography of the XI-XVII centuries in the Church Slavonic language.

Key words and phrases: semiotics; religious discourse; hagiographical discourse; life story; the Church Slavonic language.

УДК 82.09

Филологические науки

Предметом рассмотрения в статье является образ реки в творчестве английского писателя Ч. Диккенса (на примере романа «Крошка Доррит»). Основное внимание уделяется выявлению структуры образа, вобравшего в себя основные черты художественного пространства города, создаваемого в тексте, а также мотивным комплексам, моделирующим семантику Темзы в романе. Углубленное понимание специфики образа позволяет яснее увидеть основные художественные интенции и творческие стратегии автора романа.

Ключевые слова и фразы: образ; река; Темза; Ч. Диккенс; Крошка Доррит; город.

Андреева Дарья Александровна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
geda_gabler@mail.ru

ОБРАЗ РЕКИ В РОМАНЕ Ч. ДИККЕНСА «КРОШКА ДОРРИТ»[©]

Исследователи творчества Чарльза Диккенса уже давно обратили внимание на специфику образа города в его романах, на то, как Лондон, моделируемый писателем, становится важным смысловым компонентом в его произведениях (см., например: М. Ю. Черномазова «Готические мотивы в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста»» [3], Т. Н. Мешкова «Свое / чужое в романе Ч. Диккенса «Домби и сын»» [1], Р. Акройд «Dickens' London: An Imagination Vision» [5], Н. House «The Dickens World» [9]). Самую существенную роль играет «лондонский ландшафт» и в романе «Крошка Доррит». В этом тексте наиболее зримой частью городской среды романного Лондона становится образ реки. Диккенс строит художественный образ столицы Британии вокруг берегов Темзы: *As he approached his destination through the by-streets and water-side ways, that part of London seemed to him an uglier spot at such an hour than he had ever supposed it to be* [8, p. 193]. /

Когда он подходил к своей цели через улицы и прибрежные дороги, то эта часть Лондона казалась в этот час более уродливым пятном, чем он когда-либо предполагал. (Здесь и далее перевод автора – Д. А.)

Писатель часто вводит в текст романа описание реки, а также названия мостов, перекинутых через нее. Во-первых, для того чтобы сориентировать читателя в моделируемом городском пространстве, создать ощущение присутствия внутри столицы. Кроме того, река – традиционный символ границы между мирами, она выполняет эту роль и в тексте Диккенса: Темза разделяет город на Северный и Южный Лондон. Они в свою очередь тоже разделены на части – районы: герои вынуждены постоянно перемещаться из мира богатых в мир бедных, из мира свободных в мир заключенных. Так, для того чтобы попасть в долговую тюрьму Маршалси – один из ключевых пространственных топосов в романе, – героям необходимо перейти через мост. В мифологии значение реки как особого места в большей степени объясняется именно ее пограничной функцией: «она рубеж между этим и тем, нижним миром, между своим пространством и чужим» [2, с. 376]. В романе «Крошка Доррит» долговая тюрьма – это чужой, отдельный от Лондона мир, несмотря на то, что находится в его границах. Диккенс создает такой эффект, во-первых, сравнивая климат: когда за стенами чистое небо и восходит солнце, во дворе Маршалси царит мрак. Во-вторых, долговую тюрьму писатель сравнивает с могилой, из которой герой не в силах вырваться. В-третьих, персонажи, рожденные в тюрьме, отличаются от других героев. Так, Крошке Доррит как чаду Маршалси не дано понять тех, кто родился вне стен тюрьмы: ей чужды их интересы и стремления, так считают персонажи романа Уильям Доррит и Фанни.

Во-вторых, река – знаменательный и характерный образ, вобравший в себя основные черты образа города, созданного в романе. Являясь важным мифологическим символом, в ряде культур река выступает в качестве «стержня» вселенной, пронизывающего верхний, средний и нижний миры [2]. В «Крошке Доррит» она собирает разрозненный город в единое целое, протекая через все лондонские районы и отражая их в своих водах. Тем самым она словно нанизывает их на себя, на свой стержень, одновременно вбирая Лондон обитателей Маршалси, Лондон жителей Подворья кровоточащих сердец и Лондон района Сити.

В начале романа Диккенс называет Темзу смертельной канавой: *Through the heart of the town a deadly sewer ebbed and flowed, in the place of a fine fresh river* [7, p. 33]. / Темза не выполняет функции «привычной» для реки – очищать город, освежать его. В тексте она становится продолжением образа узких лондонских улиц-лабиринтов, которые заполнены грязью и в которых можно легко затеряться. Подобный эффект усиливает гнетущую атмосферу грязного Лондона. Кроме того, согласно Библейской истории, Господь даровал людям реки как милость. Их иссушение, превращение в кровь или иные метаморфозы традиционно являлись свидетельством кары Божией за непослушание человека или его грехи [2]. Река-канавы – это также наказание для всех жителей столицы, невзирая на социальное положение: река протекает через весь город, принося свои отравленные воды в каждый район диккенсоновского Лондона.

Кроме того, в мифологии и Библейской истории река даровалась людям как источник плодородия и жизни. Однако человек мог лишиться этого дара, или же его греховная природа сама извращала дарованное, и река начинала выполнять противоположную функцию. Именно так и происходит в романе. Диккенс, описывая берег Темзы, отмечает: *Long and broad black tiers of the latter, moored fast in the mud as if they were never to move again, made the shore funereal and silent after dark* [8, p. 101]. / Длинные и широкие черные ряды барж, пришвартованных в грязь, словно они никогда не должны были плыть снова, сделали берег мрачным и молчаливым после наступления темноты. Пространство около реки становится местом, ассоциирующимся со смертью. Такая метаморфоза, несомненно, связана с образом обитателей лондонских берегов, *made the shore funereal and silent* [Ibidem] / сделал берег мрачным и молчаливым.

В произведении образ реки связан также с мотивом смерти. Как уже упоминалось, впервые вводя в роман образ Темзы, автор именует ее *a deadly sewer* [Цит. по: 4, с. 33]. / смертельной канавой. Однако в отличие от романа «Домби и сын», здесь смерть – это не воля провидения, а решение человека – самоубийство. *I could so hold her in my arms and plunge to the bottom of a river* [8, p. 231]. / Я могла так держать ее в своих объятиях и броситься на дно реки, – так рассуждает одна из героинь романа мисс Уэйд. Человек на улицах диккенсоновского Лондона может встретиться со «смертью от реки» в любой момент: описывая прогулку Клэннема, автор отмечает: *...passing silent warehouses and wharves, and here and there a narrow alley leading to the river, where a wretched little bill, found drowned, was weeping on the wet wall* [7, p. 35]. / ...проходя запертые склады и причалы, и здесь на узкой улице, ведущей к реке, где на влажной стене мок жалкий маленький плакат, сообщающий о том, что нашли утопленника. Все это создает у читателя ощущение того, что ценность человеческой жизни в Лондоне, созданном Диккенсом, нивелирована: сообщение о смерти стоит в одном ряду с описанием стен, которые видит герой, проходя мимо, фасадом церкви и лабиринтом улиц. Так, образ реки становится одним из «элементов», который характеризует духовную жизнь в Британской столице. Несмотря на то, что роман «Крошка Доррит» наполнен звуками церковных колоколов, а герои постоянно обращают свои взоры на собор святого Павла и рассуждают о грехе, автор подводит читателей к следующему выводу: Лондон – город, погрязший во грехе, как и многие из его горожан. Примечательно, что положительные персонажи ассоциируют реку в романе со свободой: *To see the river, and so much sky, and so many objects, and such change and motion. Then to go back, you know, and find him in the same cramped place* [Ibidem, p. 257]. / Видеть реку, и так много неба, и так много объектов, и столько разнообразия и движения. Затем возвращаться, вы знаете, и находить его в том же ограниченном месте, – так говорит Крошка Доррит, рожденная в неволе и в силу этого остро ощущающая атмосферу свободы. В ее образе Диккенс воплотил абсолютную доброту, любовь и чистоту, ей дано видеть первозданную суть вещей, поэтому для Эми Доррит река не утратила своего традиционного значения.

Кроме того, в структуре образа Темзы заметен и мотив забвения, близкий по семантике мотиву смерти. Когда Артур Кленнэм кидает в реку розы и наблюдает за тем, как они плывут в сторону вечного моря, он отправляет их в вечное плавание – в забвение. *While the flowers, pale and unreal in the moonlight, floated away upon the river; and thus do greater things that once were in our breasts, and near our hearts, flow from us to the eternal seas* [Ibidem, p. 334]. / Цветы, бледные и нереальные в лунном свете, плыли дальше по реке, так и вещи делаются более значимыми, когда-то они были на нашей груди, возле нашего сердца, а теперь утекают от нас к вечным морям. Для романов Диккенса связь мотива забвения и образа реки становится сквозной. Однако в «Крошке Доррит» течение не приводит к Спасителю, как в романе «Домби и сын», или духовному перерождению. В «Крошке Доррит» нет надежд на возрождение и изменение. Розы, уносимые течением, символизируют прощание с влюбленностью Кленнэма, а также крушение надежды на счастье и отказ от мечты. Воды реки уже не несут прежнего христианского мотива обновления и очищения, однако образ реки призван привести в мир героев порядок и покой. *Or had the suspicion been brought into his mind, by his own associations of the troubled river running beneath the bridge with the same river higher up, its changeless tune upon the prow of the ferry-boat, so many miles an hour the peaceful flowing of the stream, here the rushes, there the lilies, nothing uncertain or unquiet* [Ibidem, p. 260]? / Или потому пришло ему в голову, что его собственные ассоциации на мутную реку, протекающую под мостом, связывались с той же рекой, но выше по течению, где неизменная мелодия мирного течения ручья слышна на носу парома, здесь камыш, там лилии, ничего неопределенного или беспокойного.

В романе Диккенса образ реки выполняет еще одну «функцию» важную для сюжетного замысла: он является местом сокрытия тайн: *As he went along, upon a dreary night, the dim streets by which he went, seemed all depositories of oppressive secrets <...> he thought <...> of the secrets of the river, as it rolled its turbid tide between two frowning wildernesses of secrets <...> for many miles* [8, p. 112]... / Как он шел в тоскливой ночи, все темные улицы, по которым он шел, казались сокровищницами секретов, которые ужасали <...> он думал <...> о тайнах реки, так как она катила мутное течение между двумя ужасающими нагромождениями тайн <...> на много миль... Мотив тайны является ключевым для «Крошки Доррит». Все «компоненты» романного Лондона призваны скрывать их: дома в романе – замки, хранящие секреты, в сейфах контор спрятаны тайные документы, сами герои – хранилище загадок [4]. Часто в произведении Диккенса секрет порождает обман, и герои в романе порой перестают понимать, где граница между правдой и ложью, это порождает фантазмагорию. Так, миссис Эффери – помощница в доме миссис Клэннем, из-за обмана мужа не может отличить сон от яви. В свою очередь «объекты» диккенсоновского города становятся фантазмагоричными в лондонской тьме, при размытом свете. Темза также обладает этой особенностью: *Three o'clock, and half-past three, and they had passed over London Bridge. They had heard the rush of the tide against obstacles; and looked down, awed, through the dark vapour on the river; had seen little spots of lighted water where the bridge lamps were reflected, shining like demon eyes, with a terrible fascination in them for guilt and misery* [7, p. 174]. / Три часа и половина четвертого, и они прошли через Лондонский мост. Они слышали борьбу прилива с препятствиями и с опаской смотрели через темный пар на реку, видели маленькие пятна освещенной воды, там, где отражались фонари, расположенные на мосту, сияя как глаза демона, которые ужасно притягательны своим грехом и нуждой. Кроме того, река имеет природное свойство преломлять реальность, отражая и искажая ее, а также переворачивая. Районы Лондона, разделенные рекой, относительно друг друга – «перевертыши»: богатство и бедность, свобода и заточение, обман и честность характеризуют жизнь их обитателей. В ходе развития сюжета судьбы героев также преломляются (казалось бы, навеки заточенный в Маршалси Фредерик Доррит выходит на свободу и оказывается богатым, Артур Клэннем, наоборот, попадает в тюрьму, оказавшись не в состоянии отдать долги и т.д.). Все эти изменения – результат постепенного раскрытия тайн.

Однако, несмотря на то, что в произведении много секретов, а порой персонажам кажется, что происходящим управляет неведомая сила, все события – это результат поступков героев, их выбор. В «Крошке Доррит» нет силы, которая вершила бы судьбы персонажей и вмешивалась в их будущее. Река лишь зеркало мира, возникшего на ее берегах. В повествовании Диккенс подчеркивает неразделимое единство отражения действительности в реке и самой реальности: *Between the real landscape and its shadow in the water, there was no division* [Ibidem, p. 329]. / Между реальным ландшафтом и его отражением в воде не было никакого разделения.

Образ Темзы в романе также связан с мотивом времени и постоянного движения жизни: *He softly opened his window, and looked out upon the serene river. Year after year so much allowance for the drifting of the ferry-boat, so many miles an hour the flowing of the stream, here the rushes, there the lilies, nothing uncertain or unquiet* [Ibidem, p. 199]. / Он тихонько открыл окно и посмотрел на спокойную реку. Год за годом такое большая помощь для дрейфующих на пароме, столько миль в час, протекающего ручья, здесь камыш, там лилия, никакого неопределенного или беспокойного разделения. Эта связь является сквозной для романов Диккенса. Однако если в «Домби и сыне» образ реки в сознании юного Поля ассоциировался с личным, неуклонным движением к смерти [6, p. 54], а также перерождению, и герой пытался противиться этой силе, то в «Крошке Доррит» персонажи не сопротивляются течению. Оно, наоборот, успокаивает их, заставляя забывать о суете и напоминая о естественном движении времени.

Образ реки в романе «Крошка Доррит» становится одним из ключевых – воплощением диккенсоновского Лондона, города с грязными улицами-лабиринтами, наполненного тайнами; образ Темзы вбирает в свою структуру мотив забвения и смерти, также он отражает духовную жизнь столицы и ее обитателей, создавая в произведении особую атмосферу. Таким образом, в романе «Крошка Доррит» образ Лондона (он вбирает в свою структуру образ Темзы) является важной частью моделируемого мира, он позволяет яснее увидеть авторские интенции, понять основную идею художественного произведения.

Список литературы

1. Мешкова Т. Н. Свое / чужое в романе Ч. Диккенса «Домби и сын» // Вестник Тамбовского университета. 2005. № 4. С. 81-87.
2. Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. К-Я / ред. С. А. Токарев. С. 374-376.
3. Черномазова М. Ю. Готические мотивы в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 9. С. 179-182.
4. Черномазова М. Ю. Традиции готической литературы в творчестве Чарльза Диккенса: дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 170 с.
5. Ackroyd P. Dickens' London: An Imagination Vision. London: Minerva, 1991. 192 p.
6. Brook C. Signs for the Times. London: George Allen & Unwin, 1984. 216 p.
7. Dickens Ch. Little Dorrit, book one: Poverty. Philadelphia: The Pennsylvania State University, 2000. 422 p.
8. Dickens Ch. Little Dorrit, book two: Riches. Philadelphia: The Pennsylvania State University, 2000. 394 p.
9. House H. The Dickens World. London: Oxford University Press, 1942. 267 p.

THE IMAGE OF RIVER IN CH. DICKENS' NOVEL "LITTLE DORRIT"

Andreeva Dar'ya Aleksandrovna
Herzen State Pedagogical University of Russia
geda_gabler@mail.ru

In the article the object of the research is the image of the river in the creativity of the English writer Ch. Dickens (by the example of the novel "Little Dorrit"). Main attention is paid to the revelation of the image structure absorbed all main features of the artistic space of the city created in the text and to the motive complexes modelling the Thames semantics in the novel. Profound understanding of the image specificity allows seeing clearer the author's main artistic intentions and creative strategies.

Key words and phrases: image; river; Thames; Ch. Dickens; Little Dorrit; city.

УДК 81-22

Филологические науки

Статья посвящена исследованию характерологических анималистических фразеологизмов как единиц зооморфного кода французского языка. Дана лингвокультурологическая характеристика анимализмов французского языка по основным параметрам: описаны номинационные признаки анимализмов и их особенности во внутренней форме фразеологизмов. Изучены лингвокультурологические разряды наименований животных. Подробно рассматривается характеристика различных аспектов внешности человека.

Ключевые слова и фразы: анимализм; зооним; символ; зооморфный код; фразеологизм; анималистический компонент; характеристика человека.

Андросова Светлана Александровна, к. филол. н., доцент

Сушевская Анастасия Сергеевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
androsova_s@bsu.edu.ru; stasya9193@mail.ru

ПЕРЕДАЧА ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА
ФРАНЦУЗСКИМИ АНИМАЛИСТИЧЕСКИМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ[©]

Концепт «Человек» в современной лингвистике занимает особую позицию, что приводит к повышенному интересу, связанному с изучением фразеологических средств языка, используемых при передаче характеристики человека. В связи с этим актуальность данной статьи связана в первую очередь с возрастающей необходимостью систематизации парадигм, лежащих в основе процесса фразеологизации, а также с важностью исследования семантических процессов как результата реализации определённых ментальных схем репрезентации знаний.

Существенным культурным компонентом словарного состава любого языка являются зоонимы (зоолексемы) – слова, обозначающие представителей животного мира. В каждой национальной культуре существуют системы кодов, среди которых отдельное место занимает зооморфный код культуры, который представляет собой совокупность закреплённых в той или иной культуре стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных. Зооморфный культурный код рассматривается в работах таких учёных, как Ф. Н. Гукетлова [6], С. А. Андросова [1], В. В. Красных [8], А. О. Кубасова [9], В. М. Каменская [7] и мн. др.

Зооморфный код французского языка представляет собой интересное явление, выявляющее специфику мировоззрения носителей французского языка и культуры. Несмотря на то, что этот код универсален, он отличается национальным своеобразием. Животные, играя символическую роль, являются эталонными носителями тех или иных качеств человека, отражая опыт народа, говорящего на данном языке.